

**ИЗМЕНИТЬ СТРАНУ, НЕ ИЗМЕНЯЯ СЕБЕ:
ПУБЛИЦИСТИКА А.В. АДРИАНОВА
В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В статье проанализирована публицистика известного сибирского исследователя, путешественника и общественно-политического деятеля А.В. Адрианова. В марте 1917 – декабре 1919 г. он был редактором крупнейшей и самой влиятельной в то время частной газеты края — «Сибирской жизни». Анализ содержания 148 статей, заметок и фельетонов Адрианова позволил сделать вывод о том, что во время революции и гражданской войны опытный журналист и редактор, оставаясь виртуозом политической публицистики, оказал значительное влияние на общественное мнение и участвовал в борьбе за власть. Под его руководством «Сибирская жизнь» оставалась ведущей газетой в крае. Главным фактором выживания издания в условиях стремительно сменявших друг друга политических режимов была гибкость позиций ее редактора. За время революции и гражданской войны Адрианов прошел путь от республиканизма к признанию военной диктатуры. Весной 1917 г. он высказывал сочувствие «революции», «республике» и «социализму», а в 1918 г. стал поборником ценностей «государства», «родины» и «правопорядка». При этом неизменными на протяжении 1917–1919 гг. оставались опора на авторитет сибирского областника Г.Н. Потанина и борьба против большевиков. Последовательный антибольшевизм оказался непреодолимым барьером для политической адаптации Адрианова в условиях Советской власти.

Ключевые слова: Адрианов, Сибирь, революция, гражданская война, Советская власть, контрреволюция, «Сибирская жизнь», Потанин, публицистика, политическая адаптация.

В 1886 г. тридцатидвухлетний сибирский этнограф и «видный представитель журналистики» Александр Васильевич Адрианов прочел о себе первую энциклопедическую статью¹. Однако успешное совмещение таких разных поприщ, как наука и пресса, давалось ему тяжело. «Постоянная борьба сделала меня, — писал Адрианов годом ранее в письме другу, — вспыльчивым, раздражительным, иногда до бешенства»². В фельетонах противники и

¹ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней). Том I. Вып. 3. СПб., 1886. С. 127–128.

² Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину

вовсе изображали его человеконенавистником¹. Тем не менее, Адрианов продолжал делать свою работу. И через сорок лет его имя попало в «Сибирскую советскую энциклопедию»². Почти век спустя этнографы, историки и журналисты продолжают ценить и изучать его наследие³.

В историографии личность Адрианова оказалась «препарирована» на две части: исследователя-путешественника и журналиста-политика. Изучению его достижений в области этнографии, археологии и истории посвящены специальные научные исследования⁴. На общественно-политическую деятельность Адрианова биографы обращали меньше внимания. Между тем именно она определяла крутые повороты в его жизни и стала причиной смерти, именно она вызывает больше всего вопросов и кривотолков.

В советской историографии для характеристики общественно-политической деятельности Адрианова использовались пропагандистские клише: «сыграл видную роль в сибирском контрреволюционном движении, активно поддерживал Колчака»⁵, «закоренелый кадет» с махрово-реакционными выступлениями⁶, «правый элемент»⁷ и т. п. В 1990-е годы Адрианов, напротив, был прославлен как «последовательный демократ»⁸.

/ Сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 56.

¹ Накануне конгресса патриотов // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (Томск). 1886. 12 июня. С. 2.

² Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 28–29.

³ Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 16; Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 7; Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 55; и др.

⁴ См.: Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX вв.). М., 1996. 249 с.; Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг.: археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск, 2014. 567 с.

⁵ Адрианов Александр Васильевич // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 28–29.

⁶ Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977. С. 79.

⁷ Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918). Новосибирск, 1985. С. 128.

⁸ Крюков В.М. В декабре 1919-го...: страницы дневника А.В. Адрианова // Сибирская газета. 1990. 31 декабря. С. 20; Он же. Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004. 76 с.

Научное изучение общественно-политической деятельности Адрианова началось в 2000-е годы. Его политический портрет в исследованиях М.А. Дэвлет составлен на основе самооценок журналиста, высказанных в прессе. Согласно им Адрианов предстает разочаровавшимся народником и ярким противником Советской власти¹. Изменчивость политических позиций Адрианова прослеживал М.В. Шиловский. По его мнению, до Февральской революции Адрианов «не определился в своих политических симпатиях, но в целом был настроен оппозиционно по отношению к самодержавию», в 1917 г. вступил в партию энесов, летом 1918 г. возглавил объединенную фракцию областников и беспартийных в Сибирской областной думе, а в 1919 г. поддержал диктатуру А.В. Колчака². В.И. Шишкин и Н.С. Ларьков ввели в научный оборот письма Адрианова во власть периода гражданской войны. Это привело к уточнению и пересмотру ключевых фактов его политической биографии. Во-первых, членство Адрианова в партии энесов было формальным, а гораздо большее значение имела его принадлежность к областникам и близость к патриарху сибирского областничества — Г.Н. Потанину³. Во-вторых, отношение Адрианова к диктатуре А.В. Колчака было неоднозначным, признание власти Верховного правителя сопровождалось резкой критикой отдельных министров его правительства и военных⁴.

В принципе в историографии зафиксирован последовательный антибольшевизм Адрианова, приведены факты и суждения, рисующие его дрейф от симпатий к социализму в 1917 г. к признанию военной диктатуры в 1919 г. При этом остаются такие вопросы: действительно ли Адрианов сочувствовал идеям социализма; что думал о политических режимах периода революции и гражданской войны и их деятелях; почему вступил в партию эне-

¹ *Дэвлет М.А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. С. 55–57.

² *Шиловский М.В.* Когда мир рушился. А.В. Адрианов // Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 17–33.

³ *Шишкин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 146.

⁴ *Ларьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 94.

сов, а позднее проклял партийность; какова была глубина отрицания большевизма; как он относился к областничеству и др.?

Основной формой общественно-политической деятельности Адрианова была журналистика. Однако исследователи до сих пор использовали его газетные публикации как второстепенный источник. Между тем даже неполный перечень публикаций Адрианова за один 1917 г. насчитывает около четырех десятков статей и заметок, а их автора признают «талантливым публицистом, оперативно откликавшимся на самые разные вопросы общественно-политической жизни»¹.

Тексты Адрианова периода революции и гражданской войны публиковались в общественно-политической газете «Сибирская жизнь», ответственным редактором которой он был с 10 марта 1917 г. до 21 декабря 1919 г. В то время издание печаталось крупными тиражами в количестве от 5 до 25 тыс. экземпляров² и широко распространялось в Сибири. Оно неплохо сохранилось в центральных и региональных библиотеках и архивах. Однако нигде нет полных подшивок газеты за 1917–1919 гг. В Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке России, научных библиотеках Томского и Иркутского государственных университетов, Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Новосибирской области удалось выявить 632 номера «Сибирской жизни» за 1917–1919 гг. (или 96 % от их совокупности). Этот источник позволяет создать довольно полную, хотя и не исчерпывающую, картину публицистической деятельности Адрианова в революционную эпоху.

Адрианов открыто выступал в печати, в исключительно редких случаях прибегая к анонимности. К тому же в «Сибирской жизни» редко применялся такой широко распространенный в то время прием, как публикация безличных передовых статей, выражавших мнение редакции. Поэтому можно доверять сказанно-

¹ Ваганова И.В. А.В. Адрианов: публицист, редактор, издатель // Вопросы истории, международных отношений и документоведения / Сб. трудов студентов и аспирантов. Томск, 2005. С. 13; Серебренникова Т.П. Публицистическая деятельность А.В. Адрианова в 1917 г. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сборник материалов X Международной молодежной научной конференции. Томск, 2014. Т. 1. Вып. 10. С. 34, 39.

² Настроение // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 4 марта; ГА РФ. Ф.Р-148. Оп. 6. Д. 79. Лл. 34, 119, 126, 127, 128, 143, 144.

му Адриановым на допросе в Томской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в декабре 1919 г.: «Все свои статьи подписывал»¹.

Другой вопрос, какими именами пользовался Адрианов. Более чем за десятилетнюю журналистскую деятельность он «примерил» около десятка подписей, — А., А.А., А.А-в, А-в, Адрианов, А.В. Адрианов, Н. Белозеров, Маляр, Старый сибиряк и другие². К 1917 г. он остановился на трех простых и коротких — А-в, Адрианов и Маляр. Все они были хорошо известны читателям и настраивали на сухое информативное сообщение от А-в, на эмоциональную статью Адрианова или на острую сатиру Маляра.

В 1917–1919 гг. Адрианов опубликовал не менее 148 текстов. Если эти цифры представить как статистическую величину, то получится примерно один – два текста в неделю. Причем в 1917 г. он писал в газету чаще и коротко, а в 1919 г. — реже, но тексты были более длинные. Иначе говоря, Адрианов был плодовитым автором, но не из тех, кто ежедневно кормил читателей демьяновой ухой. Он брался за перо, когда подталкивала к этому настоятельная необходимость, появлялся важный повод или приходила в голову свежая мысль.

Произведения Адрианова размещались, как правило, на третьей полосе «Сибирской жизни», печатались мелким относительно других авторских публикации шрифтом. На второстепенном месте раздела «Маленький фельетон» печатались «Мазки с натуры» Маляра. Это свидетельствует скорее не о скромности, а о грамотной позиции Адрианова как пишущего редактора. Будучи уверенным в том, что его тексты непременно прочтут, он подталкивал читателя к другим статьям и одновременно экономил ограниченное «пространство» газетных полос.

Адрианов писал хорошим русским языком. Для его публицистического стиля были характерны ясность и лаконичность. Он презрительно относился к «литературшине» и «демагогии», а потому старался избегать излишней художественной выразительности в тексте. Красивому слову, громкому лозунгу и яркому образу он предпочитал обширные цитирования документов и подробное

¹ Крюков В.М. Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004. С. 62.

² Петряев Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков. Новосибирск, 1973. С. 30; Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / Сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 269.

изложение фактов. Адрианов часто использовал элементы научного стиля, но академическая культура не мешала ему как журналисту и политику манипулировать информацией, а логику подменять эмоциями.

Таким образом, публицистика представляет собой доступный, богатый, разнообразный и информативный источник для изучения личности, взглядов и деятельности Адрианова в условиях революции и гражданской войны.

«Социалист» против социалистов

Адрианов встретил 1917 г. в Томске. К тому времени он пользовался заслуженным уважением в научных кругах, обладал широкими связями среди сибирской общественности, имел разносторонний опыт сотрудничества и конфликтов с «царским самодержавием»¹.

Общественно-политические взгляды Адрианова в основном сложились в 1870-х – 1880-х годах. Будучи высокообразованным и интеллектуально одаренным молодым человеком из просвещенной семьи священника, преподавателя и краеведа, он попал в окружение выдающихся сибирских областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Затем, взявшись за журналистскую работу, Адрианов тесно познакомился с политической ссылкой. Однако его самого миновали увлечения политическими доктринами или философскими системами. Императивами его общественно-политической деятельности стали представления о самоценности культуры, сочувствие нравственным идеалам народничества и любовь к родной Сибири.

В начале 1917 г. седовласый Адрианов писал этнографические статьи, публиковал некрологи и рецензии, высмеивал в фельетонах убогость ума и нищету духа провинциальных чиновников и литераторов.

Февральская революция 1917 г. круто изменила характер и содержание публицистики Адрианова. Печатное слово стало для

¹ См.: *Дэвлет М.А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. 64 с.; *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / Сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.; *Шилловский М.В.* Когда мир рушился. А.В. Адрианов (1854–1920) // Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 17–33; и др.

него «методом политической борьбы»¹. В первых пореволюционных статьях «Напрасная тревога» (9 марта), «Е.К. Брешковская» (12 марта) и «Да здравствует республика!» (12 марта) Адрианов передает свое приподнятое настроение и транслирует образ революции как праздника для страны и народа. Выражение радости было нехарактерным для этого много повидавшего в жизни, желчного и резкого в суждениях публициста. Но редактор крупнейшей газеты края не мог иначе откликнуться на воплощенную мечту многих поколений российской интеллигенции.

В статье «Напрасная тревога» Адрианов обращался к «простым неграмотным людям», которые, по его мнению, не понимали происходившего и боялись плохого конца. Для того, что бы их «образумить», автор выбрал подходящий приземленный повод, а в качестве аргумента привел политический стереотип: «При новом правительстве, среди которого нет ни казнокрадов, ни изменников своему отечеству, нет старого произвола, деньги, положенные в сберегательные кассы, целее будут, чем когда бы то ни было раньше».

Затем Адрианов обратился к светлому образу «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Заметка о чествовании Е.К. Брешковской, ехавшей из минусинской ссылки в столицу, была проникнута теплотой и умилением. Адрианов вспоминал о своем знакомстве с выдающейся эсеркой и тем самым как бы приобщался к позитивной стороне революционного движения.

В обстоятельной статье «Да здравствует республика!» Адрианов рассуждал о формах правления. Подобно истым республиканцам, он даже в словах Ивана Грозного, Николая I и историка Н.И. Костомарова выискивал доказательства тому, что Россия издавна стремилась к республике, а также видел их в устройстве сибирского казачества. Доводы в пользу республики Адрианов приводил, игнорируя другие точки зрения и контраргументы.

Нет оснований сомневаться в глубокой симпатии Адрианова к республиканской форме правления. Однако впоследствии он не выступал с подобными пропагандистскими текстами на эту «отвлеченную» для него тему.

Радость от Февральской революции в статьях Адрианов не держалась и на две недели. В марте 1917 г. он сформулировал в адрес Всероссийского Временного правительства и общественности

¹ *Крюков В.М.* Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004. С. 62.

задачи, ждавшие, по его мнению, безотлагательного решения: пенсия патриарху сибирского областничества Г.Н. Потанину, улучшение положения военнопленных славян в Сибири и демократизация епархиальной системы. Темы были нетипичными для политической повестки сибирской прессы, в которой обсуждались преимущественно вопросы о новых органах власти и самоуправления, о войне и мире, партиях и политиках¹. Однако выбранные Адриановым темы были животрепещущими и оставались актуальными на протяжении революции и гражданской войны.

В статье «Народному правительству для памяти» от 18 марта 1917 г. Адрианов описал бедственное материальное положение «преданного сына Сибири» Г.Н. Потанина, которому устраивали оvationи и слали приветствия со всех концов края. Чествование Г.Н. Потанина как революционера Адрианов считал забавным и оценивал его заслуги шире — как общечеловеческие и общекультурные. Тем не менее, автор статьи делал упор на взятой в ироничные кавычки дефиниции «старый революционер» и считал, что именно революционное правительство в долгу перед выдающимся человеком.

Выступление Адрианова в печати было поддиктовано практическим мотивом — необходимостью помочь другу и единомышленнику. Однако в ней скрыт многоплановый общественно-политический подтекст. Автор подогревал популярность Г.Н. Потанина, позиционировал себя как ближайшего соратника всеми ценимого «сибирского дедушки» и давал позитивную оценку Всероссийскому Временному правительству как «народному».

Надежды на новый политический режим Адрианов высказал также в статье «Пленные и свободная Россия» от 19 марта 1917 г. Очередное вполне приземленное и конкретное требование автора состояло в необходимости улучшить положение военнопленных славян. Адрианов писал о пленных чехах, с которыми сталкивался в Сибири, как нации высокой культуры, втянутой в мировую войну против воли. Врагами России они были лишь номинально. Поэтому Адрианов считал несправедливым унижение и мелочное административное преследование пленных чехов в Сибири. Адрианов писал, что военнопленные славяне заслуживают лучшего обращения и могут стать надежными союзниками в войне с

¹ См.: *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири... С. 48.

немцами. То есть автор вполне резонно полагал, что мировая война завершится не скоро, и России потребуются новые союзники.

Такая позиция редактора «Сибирской жизни» вызвала протесты ряда читателей газеты. Поэтому он стал развивать тему и выдвинул новые аргументы в обоснование своего мнения. В статье «Что такое чехи?» от 15 апреля 1917 г. Адрианов кратко рассказал историю этой нации и описал ее бедственное положение в составе Австро-Венгерской империи.

В статье «Среди духовенства» от 23 марта 1917 г. Адрианов осудил авторитарный стиль управления томского епископа Анатолия и его никем не поддерживаемое стремление развернуть контрсоциалистическую пропаганду. При этом автор, как выходец из семьи священника, проявил уважение к религии и дипломатично обошел острые вопросы взаимоотношений церкви, государства и общества.

Таким образом, в марте – апреле 1917 г. Адрианов приветствовал Февральскую революцию и идею республики, одобрял внутреннюю и внешнюю политику Всероссийского Временного правительства. От непосредственной борьбы за власть он дистанцировался, ориентируясь на политическое поведение уважаемых им Г.Н. Потанина и Е.К. Брешко-Брешковской.

В общественно-политическом дискурсе Адрианов почти не обращался к положениям программ или лозунгам политических партий. Поэтому малоубедительно прозвучало его заявление в мае 1917 г.: «Я всегда оставался в рядах народников, все мои симпатии лежали на стороне партии эсеров, все мои литературные знакомства и совместная работа происходила в сотрудничестве преимущественно с людьми этой и др[угих] социалистических партий»¹. Однако такой аргумент Адрианову был необходим для поддержания авторитета и статуса газеты в условиях всеобщего увлечения социалистическими идеями. Либеральным ценностям было необходимо «прикрытие». С помощью напоминаний о былой причастности к революционному движению Адрианов приспособлялся к политической ситуации.

Между тем за ширмой сочувствия социализму Адрианов готовился к атаке на томских эсеров. Ее начало было положено статьей «Кто такой В.И. Анучин?», опубликованной 7 мая 1917 г. «С чувством большой брезгливости берусь я за перо, чтобы ответить

¹ Адрианов. От автора // Сибирская жизнь. 1917. 9 мая.

на выдвинутый тяжкими условиями нашей жизни вопрос, поставленный в заголовке. А ответить необходимо», — писал Адрианов, понимая, что лавина критики обрушится на него после этой публикации.

В мае 1917 г. видный публицист и этнограф В.И. Анучин был товарищем председателя распорядительного бюро Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, товарищем председателя Томского губернского продовольственного комитета, председателем правления союза кооперативов «Томский кооператор». Ему приписывали роль основателя и самого влиятельного члена местной организации партии эсеров. Он был избран депутатом в Томское губернское народное собрание и намеревался стать его председателем. По мнению Адрианова, В.И. Анучин «карабкался на вершину местной власти» и «лелеял мысль добраться до Учредительного собрания».

Адрианов поставил своей целью пресечь политическую карьеру В.И. Анучина. Это вполне позволял сделать компромат, собранный более чем за десять лет их знакомства. Адрианов опубликовал свидетельства о растратах, финансовых махинациях, безответственности, авантюризме, демагогии и спровоцированных В.И. Анучиным конфликтах. Однако первая разоблачительная статья в «Сибирской жизни» вызвала решительный отпор со стороны томских социалистов. Адрианов отвечал на контраргументы в публикациях «От автора» (9 мая), «Мазки с натуры» (4 июня), «Патент на честность» (6 июня), «К истории наших дней» (9 августа), «Около В.И. Анучина» (5 сентября). Подкрепляли обвинения против В.И. Анучина «показания» известных в крае общественно-политических деятелей: красноярского меньшевика А.В. Байкалова, томского социал-демократа В.Е. Воложанина, красноярского эсера Н.Н. Козьмина и томского кадета И.А. Некрасова. Они прислали письма в редакцию «Сибирской жизни». В результате политической дискредитации В.И. Анучин вышел из партии эсеров, был смещен с поста председателя «Томского кооператора» и не смог продолжить политическую карьеру.

Добиться своего Адрианову удалось. Он низверг популярного в Томске политика, продемонстрировав потенциал печатного слова. Однако победа оказалась пиррова. Социалисты обвинили «Сибирскую жизнь» в травле партии эсеров, были испорчены отношения со многими деятелями органов власти и местного самоуправления, профсоюзными лидерами и кооператорами.

Важное место в публицистике Адрианова в 1917 г. заняла тема армии. К ней он обращался напрямую в статьях «К вопросу о дисциплине» (11 мая), «Надо образумиться» (16 мая), «Купинская республика» (10 июня) и «Женский батальон в Томске» (18 июля).

В мае 1917 г. Адрианов констатировал факт снижения воинской дисциплины. Его негодование вызывали солдаты местного гарнизона, «праздно шатавшиеся с семечками» и «обнимавшиеся с девицами». Следствием «разболтанности» Адрианов считал рост преступности и распространение большевистских лозунгов. Более того, он опубликовал письмо прапорщика Ф. Пугаченкова «На фронте неблагополучно», автор которого обвинял сибирские маршевые роты в нежелании сражаться и в разложении армии на фронте. «Ужас несет с собой это разложение», оно грозит гибелью страны и всех революционных завоеваний», – делал вывод редактор «Сибирской жизни»¹.

Подтверждением мрачных суждений для Адрианова стал инцидент с «Купинской республикой». В волостном селе Купино, находившемся на Кулундинской равнине, в июне 1917 г. люди в военной форме сместили волостную управу и попытались насадить свои порядки. «Республика» была оперативно ликвидирована, однако история, по мнению Адрианова, являлась недопустимо показательной, поскольку неконтролируемая вооруженная сила стала покушаться на власть.

В связи с темой военной дисциплины Адрианов в мае 1917 г. впервые негативно отозвался о деятельности большевиков², а в июле однозначно называл их врагами, демагогами и предателями, сеявшими смуту³. Адрианов не написал о большевиках ни одной специальной статьи, но все его последующие высказывания и комментарии лежали в русле бескомпромиссной борьбы против них⁴. Адрианов изначально оценивал большевиков в категориях национальной борьбы, на фоне которой меркли любые идейно-политические разногласия.

В конце июня – июле 1917 г. враждебная позиция «Сибирской жизни» по отношению к социалистам стала причиной «революционно-общественного» бойкота газеты. Он был инициирован

¹ Адрианов. Надо образумиться // Сибирская жизнь. 1917. 16 мая.

² Там же.

³ Адрианов. Женский батальон в Томске // Сибирская жизнь. 1917. 18 июля.

⁴ См.: Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири... С. 67.

профессиональным союзом фармацевтов Томска и поддержан представителями губернского, городского и уездного исполнительных комитетов народных собраний, а также местных организаций эсеров и социал-демократов. Затем к бойкоту присоединились солдаты 32-го Сибирского запасного полка, губернские организации профсоюзов и их центральное бюро¹.

Ответом Адрианова на объявление бойкота стала объемная, эмоциональная и жесткая статья «„Им“ мой ответ», опубликованная 30 июля 1917 г. В статье он подробно написал о том, кто и за что собирается «прикончить» газету. По его мнению, «Сибирскую жизнь» несправедливо обвиняли в «клеветнических выпадах против политических партий», «систематическом подрыве авторитета местных органов власти» и «контрреволюционных выступлениях». Адрианов перечислил имена своих главных политических противников: большевика В.Д. Вегмана, эсера М.Б. Шатилова и беспартийного Б.М. Гана, занимавшего в то время пост Томского губернского комиссара Временного правительства. Адрианов назвал их «людьми, находящимися в состоянии психоза, утратившими способность правильно разбираться в происходящих явлениях нашей жизни». Развивая тему, Адрианов уничижал «их» и охарактеризовал как «никому не известных людей», которые не имеют политического багажа и «прячутся от света под фирмой разных комитетов и советов». Бойкотирующие «Сибирскую жизнь», по образному выражению Адрианова, «выступали либо в маскарадных костюмах на митингах, либо под псевдонимами в листках, на заборах исключительно перед неорганизованной и малосознательной толпой». Политические успехи противников, по его мнению, «основывались на умственной темноте и политическом невежестве масс».

Адрианов резко противопоставил себя бойкотистам. Он отметил, что работал на поприще сибирской журналистики более сорока лет и «не раз нес на себе обязанности ответственного редактора». Затем перечислил свои заслуги в борьбе с самодержавием, напомнил о многолетнем сотрудничестве с политическими ссыльными. В заключение статьи Адрианов в сердцах заявил: «Я клеветником не был, никогда мне обвинений в этом никто не смел бросить. Я никогда ни к кому не подлаживался. Не буду

¹ Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977. С. 79.

подлаживаться и теперь», – и подчеркнул свою позицию «непримиримого врага анархического большевизма».

Пережил ли Адрианов летом 1917 г. разочарование в революции? Именно такое суждение выносит М.А. Дэвлет на основании слов из заметки Адрианова «Нечто современное» от 4 июня 1917 г.: «Мы [...] живем под знаком всяческих „свобод“ – свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришив красный бантик, свободы бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается»¹. Однако автор написал это как вывод в заметке об уличенном в мошенничестве редакторе томской газеты «Освобожденная Россия»².

Отмеченное Адриановым настроение вседозволенности в обществе вряд ли разрушило веру в революцию. Великих надежд на новый политический строй он не возлагал изначально. Вместе с тем Адрианов не признавал поражения и бездействия. Напротив, ситуация острого конфликта и мрачные перспективы стимулировали его общественно-политическую деятельность.

Если в мае 1917 г. Адрианов писал, что «к власти не стремился, на какую бы то ни было роль не претендовал, желания быть избранным куда-либо никому не заявлял и ни с кем не конкурировал», «уступая дорогу молодым силам»³, то в июле 1917 г. он стал членом партии энесов, в августе был избран в состав ее Томского губернского комитета и председательствовал на губернской конференции⁴, главной задачей которой являлось выдвижение кандидатов в Учредительное собрание⁵.

Из всех партийных организаций Томска он выбрал именно энесов по многим соображениям. Во-первых, партия была социалистической, а марка «социалист» была наиболее популярнейшей в то время. Во-вторых, вступление в партию энесов соответствовало его самопрезентации как сочувствовавшего идеям социализма. В-третьих, программа и лозунги энесов были созвучны либеральной

¹ См.: *Дэвлет М.А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. С. 48.

² *Адрианов.* Нечто современное // *Сибирская жизнь.* 1917. 4 июня.

³ *Он же.* Мое объяснение обществу // *Сибирская жизнь* (Томск). 1917. 16 мая.

⁴ *Ларьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 88.

⁵ Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1. С. 86.

политической культуре Адрианова. Кроме того, из всех существовавших в Томске филиалов социалистических партий только туда могли принять Адрианова. Энесы как партия мало проявляли себя в Сибири¹, и Адрианов мог ее использовать как формальный политический институт для своего выдвижения в качестве кандидата в Учредительное собрание.

Из последующей деятельности Адрианова можно сделать вывод, что он не собирался заниматься организационной или пропагандистской партийной работой. Партийность Адрианова была больше похожа на камуфляж. Он пополнил ряды «мартовских социалистов», используя широко распространенный тогда адаптивный прием. «Безопасность и расчет — вот двигатели, под влиянием коих, в большинстве случаев, распухли ряды социалистических партий. Известного рода храбрость, беззастенчивость среди общей растерянности выдвинули многих мартовских»². Это нелестное суждение, которое сформулировал сотрудничавший с «Сибирской жизни» профессор И.И. Аносов, вполне можно было отнести и к самому Адрианову.

Усилив с помощью вступления в партию энесов «социалистическую маскировку», Адрианов продолжил политическую борьбу. В передовой статье «Нашим противникам» от 16 сентября 1917 г. он ответил нападением на обвинения, выдвинутые против «Сибирской жизни» в двух главных томских газетах: эсеровском «Пути народа» и социал-демократическом «Знамени революции». Адрианов перечислил ярлыки, которыми социалисты маркировали своих политических оппонентов: «буржуй», «контрреволюционер», «миротворец», «гнусность», «предательство», «провокация». Он уличил социалистов в извращении смысла этих слов, рассчитанных на «слепой гнев темной толпы». Адрианов желчно заметил, что меньшевик Д.И. Розенберг из «Знамени революции» обвинил «Сибирскую жизнь», призывавшую к объединению и миру, в предательстве и гнусности. Автор привел примеры «погромной агитации» из газет своих политических противников и обвинил их в «выщезивании отдельных фраз» «лишь бы у толпы создалось убеждение», что «Сибирская жизнь» опасна для революции. При этом противники, по его мнению, сами не верили в контрреволюционность «Сибирской жизни».

¹ Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 303–304.

² Аносов. О чудесах и «мартовских» // Сибирская жизнь. 1917. 21 октября.

Основное политическое требование «Сибирской жизни» в сентябре 1917 г. редактор сформулировал так: «Мы призываем буржуазию и демократию к мирному сотрудничеству на пользу и счастье России», а не к гражданской войне¹.

В октябре 1917 г. Адрианов, разделявший «давнишнюю мечту» областников об обретении Сибирью статуса территориальной автономии с собственным законодательным учреждением по вопросам местной жизни, принял участие в подготовке и работе Первого Сибирского областного съезда. Однако в связи с углублением общенационального кризиса вопрос об автономии Сибири претерпевал существенные трансформации. Он все больше наполнялся не столько близким уму и сердцу Адрианова культурно-экономическим, сколько политическим содержанием, а руководство от областников почтенного возраста во главе с Г.Н. Потаниным перешло к новой их генерации, возникшей в послереволюционное время и представленной главным образом членами партии эсеров².

В результате Адрианов подверг критике работу первого Сибирского областного съезда. В статье «Первый областной съезд. К порядку на съезде» от 11 октября 1917 г. он высмеял члена оргкомитета съезда М.Б. Шатилова за длинный и неуместный доклад о принципах федерации и автономии. Кроме того, М.Б. Шатилов, по мнению Адрианова, нанес вред работе съезда выступлением по вопросу о принципах формирования президиума. Автор статьи считал целесообразной позицию подавляющего большинства съезда о делегировании в президиум представителей от областей и национальностей. Выступление же М.Б. Шатилова в пользу фракционного (или партийного) принципа он счел пустой тратой времени. Адрианов полагал, что «формирование президиума из фракционных представителей, несомненно, погубило бы съезд, лишив его деловой, серьезной почвы», породило «бы тотчас же раздоры».

С такой непростой политической репутацией Адрианов в октябре 1917 г. был выдвинут кандидатом от партии энесов во Всероссийское Учредительное собрание в Томском и Енисейском избирательных округах. В списке партии по Томскому избира-

¹ Нашим противникам // Сибирская жизнь. 1917. 16 сентября.

² Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.). Сб. док. и мат. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 5.

тельному округу его фамилия стояла четвертой, что было почетно, но не давало надежды на мандат депутата Учредительного собрания. В Енисейском избирательном округе он оказался первым кандидатом от энесов¹, но шансы быть избранным здесь также были минимальными. Вполне понимая расклад общественно-политических сил, Адрианов уделял мало внимания предвыборной агитации. Список кандидатов от партии энесов в Учредительное собрание был опубликован в «Сибирской жизни» сначала на третьей полосе между рубриками «Из газет» и «Томская жизнь»², а затем публиковался лишь в составе объявления Томской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии³. Накануне выборов «Сибирская жизнь» призывала голосовать за кого угодно, кроме большевиков⁴.

В результате победы Октябрьской революции в столице борьба за власть в Сибири ужесточилась. Петроградские события редакция «Сибирской жизни» называла восстанием, а сообщения Петроградского телеграфного агентства о свержении Временного правительства и захвате верховной государственной власти большевиками считала неправдой⁵. Поэтому 30 октября 1917 г. революционный комитет Томска попытался поставить под контроль новостное наполнение враждебной ему «Сибирской жизни», а затем остановил выпуск не подчинившейся газеты. Однако в связи с необходимостью обеспечить свободу агитации на выборах в Учредительное собрание всем политическим партиям 3 ноября ревком снял арест с газеты. В результате 4 ноября 1917 г. издание «Сибирской жизни» возобновилось⁶.

Установление Советской власти в Томске стало границей политической адаптации Адрианова. Признать победу «врага» было невозможно. Альтернативой могло стать областничество. Однако в статье «С сибирского съезда», опубликованной 14 декабря 1917 г., Адрианов упрекал социалистическое большинство второго (чрезвычайного) Сибирского областного съезда в отстранении «цензовиков» от участия в формировании власти. Он писал: «Ни-

¹ Известия Енисейской губернии (Красноярск). 1917. 24 октября.

² Кандидаты в Учредительное собрание // Сибирская жизнь. 1917. 15 октября.

³ См., например: Сибирская жизнь. 1917. 22 октября.

⁴ За кого голосовать? // Сибирская жизнь. 1917. 12 ноября.

⁵ Восстание большевиков // Сибирская жизнь. 1917. 28 октября; Только правду! // Сибирская жизнь. 1917. 29 октября.

⁶ *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири... С. 116–117.

кому доселе не ведомые Перелешины решили „во имя спасения Сибири“ создать общесибирскую социалистическую [...] власть в лице Сибирской областной думы. Положительно, это какой-то Бедлам! Устранить от всякого участия в деле спасения и устройства страны подавляющее большинство населения, устранить все то, что обладает знаниями, опытом, капиталом, разумом только потому, что это большинство не пожелало именоваться мартовскими „социалистами“ и, наоборот, включить в состав будущей власти людей, запятнавших себя предательством, [...] нарушением свободы, при феноменальной бездарности, это не только сумасшествие, это — предел бесстыдства [...]. Какой же не потерявший рассудок человек может дать согласие на образование такой „всесибирской власти“? Кто ей будет верить?».

Тем не менее, Адрианов получил от кооперации мандат депутата Сибирской областной думы. Он надеялся скорректировать политическую линию социалистического большинства будущей думы, протестовал против «исключения цензовых элементов», требовал непримиримой борьбы с большевиками.

Работу думы предполагалось начать 12 января 1918 г. в Томске, но кворум собрался лишь к началу 20-х чисел января. Большевики не желали делить власть с областниками и 26 января 1918 г. президиум исполкома Томского губернского совдепа издал постановление о роспуске Сибирской областной думы. Члены думы, не подчинившиеся постановлению, объявлялись врагами народа, подлежащими суду революционного трибунала¹. В ночь на 29 января 1918 г. состоялось тайное собрание думцев, на котором было избрано Временное Сибирское правительство. Адрианов, по его словам, будучи приглашен на собрание, не пошел, так как посчитал его неправомочным².

В 1917 г. захваченный политическими событиями Адрианов находил возможность писать научно-популярные статьи и очерки на бытовые темы. В «Сибирской жизни» была опубликована большая статья о праздновании нового года у сойотов и освещены результаты исследования Северного морского пути. Из многочисленных тем сибирской городской повседневности Адрианов остановился на майском пожаре в Барнауле, на описании Тоболь-

¹ Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы... С. 6.

² Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 89.

ска как места ссылки Николая Романова, призвал «сердобольных томичей» помочь семье переселенца, рассказал о самоорганизации в очереди в мучную лавку. Тексты эти малочисленны и заряжены общественно-политической проблематикой. Адрианов везде усматривал символы и последствия политических процессов.

Областник против Сибирской областной думы

Постановлением Томского губернского исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов от 31 января 1918 г. «Сибирская жизнь» была объявлена закрытой навсегда за антикоммунистическую пропаганду. В результате на начальном этапе разгоравшейся гражданской войны Адрианов остался без своего главного оружия — печатного слова. Однако он продолжал активную общественно-политическую деятельность.

В феврале 1918 г. Адрианов стал одним из организаторов и наиболее деятельных членов «потанинского кружка», политическая платформа которого была направлена на борьбу с большевиками, спасение России через создание временной беспартийной власти, на утверждение в стране законности и порядка и созыв Учредительного собрания¹. Более того, Адрианов принял участие в организации вооруженного антисоветского подполья².

Начавшееся в конце мая 1918 г. освобождение Сибири от большевиков позволило Адрианову вернуться к легальной политической и журналистской деятельности. Антибольшевистский переворот он поддерживал и восхвалял «победоносные сражения наших отрядов»³. В частности, в авторских статьях и заметках он подчеркивал решающую роль Чехословацкого корпуса в антибольшевистской борьбе⁴.

Адрианов высоко ставил свои заслуги в борьбе с Советской властью и поэтому претендовал на значимую роль в антибольшевистском движении. Летом 1918 г. он очутился в эпицентре политической борьбы, развернув энергичную деятельность с целью

¹ *Шишкин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 146.

² *Ларьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 89.

³ *А-в.* С Мариинского фронта // Сибирская жизнь. 1918. 20 июня.

⁴ *Адрианов.* К истории переворота // Сибирская жизнь. 1918. 5 июня; *А-в.* Собрание чехословаков // Сибирская жизнь. 1918. 19 июня.

корректировки политического вектора и персонального состава новых органов власти¹.

Пятого июня 1918 г. Адрианов был избран председателем частных совещаний членов Сибирской областной думы. В тот же день редактируемой им газетой была предпринята попытка повлиять на политически чуждый Адрианову Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, состоявший из эсеров-максималистов. В «Сибирской жизни» были опубликованы сразу две редакционные статьи, носившие вызывающий характер: «Об организации власти» и «Какая власть нам нужна». В них ни слова не говорилось ни о существовавшем Западно-Сибирском комиссариате Временного Сибирского правительства, ни о Сибирской областной думе, под флагом которой шла борьба против Советов. Во второй статье заявлялось, что Сибири нужна иная власть, временная, которая «будет опираться на всех граждан, будет искать совета и помощи у всех граждан (но не у политических партий)»².

Затем на состоявшемся 9 июня 1918 г. заседании частного совещания членов думы Адрианов поставил вопрос «об установлении контроля частного совещания над деятельностью Западно-Сибирского комиссариата». Можно утверждать, что мотивация Адрианова была продиктована стремлением повлиять на состав и политику Западно-Сибирского комиссариата в интересах цензоров. Однако частное совещание отвергло предложение Адрианова³, а «Сибирская жизнь» продолжала помещать на своих полосах критические материалы о Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве.

В июне 1918 г. Адрианов искал идейно-политическую альтернативу стоявшим у власти социалистам. Его взор обратился к военным и их лозунгам. Почти одновременно это нашло отражение в публицистике и в предпринимаемых им действиях. В «Сибирской жизни» 11 июня 1918 г. Адрианов преподнес героический образ атамана Г.М. Семенова, сражавшегося с большевиками на далеком Даурском фронте. На основе сообщений дальневосточных газет и

¹ *Ладьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 89.

² *Шишкин В.И.* Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2 (история). С. 59.

³ *Шишкин В.И.* Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы... С. 60.

воззваний Адрианов писал о стремлении Г.М. Семенова к «правопорядку и законности, культурному и клиому государству, автономной Сибири, Сибирскому Учредительному собранию». По мнению Адрианова, «атаман Семенов стоял на государственной точке зрения, он патриот, для которого слово „родина“ не пустой звук, а великая ценность, ради [...] которой он отдаст свою кровь». Для редактора «Сибирской жизни» было главным, что Г.М. Семенов воевал с большевистскими комиссарами и считал их «самозванцами и насильниками». Мнение о контрреволюционности и авантюризме Г.М. Семенова Адрианов категорически отметал как ложь или «политическое недомыслие»¹.

В тот же день Адрианов выехал в Новониколаевск с намерением встретиться с командующим войсками Западно-Сибирского военного округа полковником А.Н. Гришиным-Алмазовым. Однако к тому времени командующий уже перебрался в Омск, и Адрианов написал ему конфиденциальное письмо для выработки «линии поведения самой распространенной и влиятельной в Сибири газеты». В лице А.Н. Гришина-Алмазова Адрианов нашел единомышленника по вопросу о власти и заверил его в том, что будет работать «над созданием соответствующей политической обстановки» для организации Сибирской армии².

Помимо армии, Адрианов искал союзника в лице «имущего класса». Для реализации идеи общегражданского фронта в борьбе с большевиками «цензовые элементы» необходимо было политически активизировать. Адрианову приходилось подбадривать их за малейший намек на проявление гражданской позиции. В статье «Выступление цензовых элементов» от 23 июня 1918 г. Адрианов акцентировал внимание на «Обращении томского биржевого общества и Томского союза домовладельцев к своим членам». В предвкушении «материальной поддержки новому правительству» и щедрых пожертвований на «святое дело обновления любимой родины» Адрианов подсчитывал стоимость обещанных лошадей для Сибирской армии и уверенно заявлял, что «торгово-промышленный класс правильно оценивает положение и твердо встает на путь государственного строительства». Однако цензови-

¹ Адрианов. К предыдущей статье // Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.

² См.: Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов... С. 147; Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 90.

ки не спешили воспользоваться отвоеванным для них правом участия в политической жизни Сибири.

Позднее Адрианов отметил символический для него акт единения двух «пестуемых» им антибольшевистских сил: чехов и цензовиков. В статье «Полковнику Гайде» от 4 сентября 1918 г. он детально описал клинок из толедской стали, преподнесенный «торговыми людьми» Томска «победителю германо-мадьярских войск в Сибири». Однако политические установки цензовиков были мало симпатичны чехам, которые сочувствовали, скорее, социалистам, тогда как подношение Гайде оказалось бесперспективным заискиванием перед авантюристом.

В контексте борьбы за изменение состава высших органов государственной власти в Сибири Адрианов опубликовал 22 июня 1918 г. телеграмму под провокационным заголовком «О формировании Сибирского правительства». Ответная реакция со стороны «левых» думцев не заставила себя долго ждать. Эсер И.М. Скуратов заявил, что правительство уже существует, «оно находится на Востоке и было выбрано на тайном совещании членов Областной думы». Его решительно поддержал социал-демократ С.К. Неслуховский: «Мы должны знать, заключает ли заголовок злостный обман или корректорную ошибку»¹. В результате разгоревшейся дискуссии Адрианов заявил, что «никогда не опровергал Временное Сибирское правительство, но не одобряет его состав»².

Дискредитируя действовавшую верховную власть, Адрианов счел не лишним напомнить про свою решительную антибольшевистскую позицию. В июне 1918 г. он написал статью с грустным певучим названием «Умирание Петербурга». Использование астионима «Петербург» вместо правильного названия города «Петроград» вряд ли можно рассматривать как политический выбор. Адрианов, скорее, ностальгировал по университетскому периоду жизни в «северной Пальмире» и демонстрировал консерватизм в вопросах культуры и речи. О ностальгии свидетельствует и выбранный автором повод — сообщение о смерти в Петрограде академика В.В. Радлова, к которому Адрианов питал уважение и симпатию. Сама тема к тому времени уже превратилась в шаблон.

¹ Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы... С. 38.

² Шишкин В.И. Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы... С. 62.

Читателей трудно было удивить повествованием о галопировавших ценах, нормировании продуктов, статистике смертности, мешочничестве, бунтах рабочих и расхищении ценностей в бывшей столице. Не оригинальным оказалось и противопоставление вымирания населения в советской России относительно сытой жизни в антибольшевистской Сибири: «Ужас охватывает от рассказов свидетелей умирания, тех исхудалых, истощенных людей, которым удалось вырваться из когтей царя-голода и бежать в Сибирь и, пользуясь родственными с нею связями, подкормиться и опривиться»¹.

Верховная власть на освобожденной от большевиков территории Сибири 30 июня 1918 г. была передана Совету министров Временного Сибирского правительства, в который вошли хорошо известные сибирской общественности «государственно-мыслящие» беспартийные деятели П.В. Вологодский и И.А. Михайлов, эсер М.Б. Шатилов, энес Г.Б. Патушинский и бывший народоволец В.М. Крутовский. В передаче власти участвовал председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев, легитимировавший новый орган верховной государственной власти от лица возглавляемого им представительного собрания.

Адрианов критически отнесся к персональному составу Временного Сибирского правительства. Его устраивали только председатель Совета министров П.В. Вологодский и министр внутренних дел В.М. Крутовский, с которыми Адрианов был близко знаком. В то же время «Сибирская жизнь» молча признала новую конфигурацию власти. Адрианов надеялся воздействовать на правительство с помощью «Сибирской жизни» и личных знакомств с П.В. Вологодским, В.М. Крутовским, управляющим делами Совета министров Г.К. Гинсом и другими политиками.

Третьего июля 1918 г. Адрианов опубликовал отдельным экстренным выпуском телеграмму И.А. Якушева, полученную им как председателем частных совещаний думы, о признании Временным Сибирским правительством необходимости «скорейшего созыва Сибирской областной думы» на основе нового «принципа равного представительства ценовых элементов и профессиональных рабочих и крестьянских организаций». Он спешил закрепить свой политический успех, и поэтому телеграмма оказалась в прессе до того, как ее содержание стало известно другим членам частного совеща-

¹ Адрианов. Умирание Петербурга // Сибирская жизнь. 1918. 29 июня.

ния членов думы. Социалисты же, не согласные с изменением принципа формирования думы, нашли формальные поводы для критики поступка Адрианова. Во-первых, публикацию телеграммы назвали злоупотреблением, нарушением порядка оглашения документов частного совещания. Во-вторых, в публикации «Сибирской жизни» эсеры усмотрели искажение текста. Адрианов дважды вставил в телеграмму И.А. Якушева слово «постановлено», выпущенное в ней изначально ради сокращения текста, а социалисты указывали на то, что якобы «вопрос еще окончательно не выяснен»¹.

Публикация телеграммы И.А. Якушева в «Сибирской жизни» послужила поводом для смещения Адрианова с поста председателя частных совещаний думы как «не оправдавшего доверия». Так впечатляющая политическая победа обернулась для него поражением. Последовавшие действия явно противоречили словам, брошенным Адриановым в пылу спора: «Я не считаю возможным цепляться за председательствование»². Стремясь доказать, что его смещение было нецелесообразным личным выпадом, он опубликовал выдержки из протоколов заседаний частного совещания думы 10 и 13 июля³ и бойкотировал последовавшие заседания совещания.

После смещения Адрианова с поста председателя частных совещаний членов Сибирской областной думы на страницах «Сибирской жизни» развернулась полномасштабная кампания по дискредитации Сибирской областной думы, унаследовавшая сформулированные в декабре 1917 г. тезисы. 23 июля 1918 г. был опубликован редакционный комментарий к обзору печати: «Прекрасную идею Сибирской областной думы извратили, передав ее в неподходящие руки и в неподходящих условиях»⁴. На внутреннем развороте номера помещалась статья Адрианова «Среди сибирских законодателей», в которой автор перечислил «незнакомцев, случайных для Сибири людей» и депутатов, которые каким-либо образом были связаны с Томским советом депутатов рабочих и солдатских депутатов (С.К. Неслуховского, В.Е. Никитина, И.И. Скуратова), как «покрытых пудрой большевистского румянца». То есть, по мнению автора, «вредных» для Сибири.

¹ Irridens. Недопустимый прием // Голос народа (Томск). 1918. 7 июля.

² Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы ... С. 133.

³ Сибирская жизнь. 1918. 23 июля.

⁴ Там же.

В июле 1918 г. Адрианов обращался к базовым для его политической платформы темам: Г.Н. Потанин и «потанинский кружок». Как важные политические события он отметил организованный кружком в Томске митинг 25 июля 1918 г. и постановление Совета министров Временного Сибирского правительства от 5 июля 1918 г. о пенсии и почетной грамоте «сибирскому патриоту Григорию Николаевичу Потанину»¹. В Омске торжественно чествовали этого «создателя идеи областничества», «чуждой каких-либо замыслов сепаратизма»².

Подводя итоги, Адрианов написал две больших полуполосных статьи «Г.Н. Потанин» (1 августа) и «Г.Н. Потанин — почетный гражданин Сибири» (13 августа). Поездку Г.Н. Потанина из Томска через Омск в Тобольск Адрианов назвал триумфальной, подчеркнул личное участие во встречах и проводах Г.Н. Потанина членов Временного Сибирского правительства, представителей местного самоуправления и общественных организаций, сделал обзор всех публикаций местных газет, в которых Г.Н. Потанина чествовали как «великого сибиряка».

В августе 1918 г., не разрешив противоречие между признанием областничества на уровне авторитета Г.Н. Потанина и отрицанием формы, в которой оно воплощалось в Сибирской областной думе, Адрианов стал депутатом второй сессии Сибирской областной думы. Более того, он возглавил в думе объединенную фракцию областников и беспартийных. Во время сессии он продолжал требовать пополнения думы цензовыми элементами и искать политические альтернативы.

Ближе к концу месяца Адрианов получил телеграммы от своего старого знакомого журналиста М.О. Курского, который в то время состоял членом Делового кабинета (правительства) генерала Д.Л. Хорвата на Дальнем Востоке. В телеграммах содержались сведения о составе и планах одного из дальневосточных правительств. Они были опубликованы в «Сибирской жизни», вызвав повышенный интерес общественности и власти³.

Адрианов, во всей вероятности, был вдохновлен телеграммами как журналистской находкой и как ценной картой в полити-

¹ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сб. док и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 689.

² Сибирская речь (Омск). 1918. 9 июля.

³ Восточносибирские правительства // Сибирская жизнь. 1918. 26 августа.

ческой игре. Они стали поводом для развернутой статьи «К вопросу об организации власти» (27 августа 1918 г.). В ней автор впервые прямо высказал свои взгляды на текущий политический момент. Целью своей общественно-политической деятельности Адрианов назвал организацию «государственно мыслящей власти», а препятствиями на этом пути — «антигосударственные элементы». «Антигосударственными элементами», по его мнению, были Комитет членов Учредительного собрания в Самаре и Сибирская областная дума в Томске, «избранная [...] на основе представительства социалистических организаций от энесов до большевиков включительно, с устранением цензовых элементов, а потому совершенно не представлявшая ни лица страны, ни голоса населения Сибири». Адрианов критиковал «избрание сибирских министров в условиях ненормальных [...] в январе 1918 г.» и работу на Дальнем Востоке «группы Дербера», которая «за полгода своей жизни ничего не смогла сделать» и «потеряла всякий престиж». На фоне этих «эсеровских недоразумений», по мнению Адрианова, положительно выделялся Деловой кабинет Д.Л. Хорвата. Он откровенно рекламировал «умного, тактичного и добросердечного генерала», якобы чуждого властолюбия и стремившегося привлечь к большой политике «потанинцев». Главным адресатом этой статьи было, по сути, Временное Сибирское правительство, выведенное за пределы оценочных суждений. Именно его Адрианов хотел направить по правильному, с его точки зрения, политическому пути.

Меньше месяца спустя, 21 сентября 1918 г., выпуск «Сибирской жизни» был остановлен забастовкой печатников. Адрианов предполагал скорое возобновление издания газеты и смотрел в будущее с оптимизмом¹. Однако конфликт затянулся до конца года, а Адрианов продолжал общественно-политическую деятельность без использования газеты.

В конце октября 1918 г. фракция областников и беспартийных Сибирской областной думы выступила с заявлением за подписью Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова, Н.Я. Новомбергского и В.М. Попова, в котором говорилось о том, что дума должна «без шума сойти с политической сцены». На заседании президиума думы и представителей фракций по вопросу о самороспуске 5 ноября 1918 г. фракция областников и беспартийных в лице Адрианова заявила,

¹ Из мира труда // Правительственный вестник (Омск). 1918. 26 ноября.

что «будет воздерживаться от голосования, протестовать не будет». 10 ноября 1918 г. произошло то, чего добивался Адрианов, Сибирская областная дума самораспустилась.

Можно ли считать это достижением Адрианова? Областник и республиканец — он был в числе инициаторов сибирских областных съездов в 1917 г., однако не сумел повлиять на состав и деятельность Сибирской областной думы и приложил много усилий к ее уходу с политической сцены.

Председательствование на частных совещаниях членов Сибирской областной думы и деятельность во главе фракции областников и беспартийных в Сибирской областной думе были формально главными эпизодами политической «карьеры» Адрианова в годы гражданской войны. Однако более важную роль в борьбе за власть летом – осенью 1918 г. сыграла его журналистская работа.

В период так называемой «демократической контрреволюции» публицистика Адрианова была целиком подчинена политике. Ему импонировали существовавшие условия политического централизма в антибольшевистском движении, формирование и деятельность Совета министров Временного Сибирского правительства, а затем Временного Всероссийского правительства. Здесь ему не приходилось одевать маску сочувствующего социализму. Для реализации своего политического потенциала Адрианов опирался на жесткую антибольшевистскую позицию, патриотические лозунги, а также на ценности «правопорядка» и «свободы». Адекватной политической адаптации способствовали также личные связи в высших эшелонах власти.

Государственник против «военщины»

В январе 1919 г. возобновился выход «Сибирской жизни». Адрианов вновь взялся за перо, но вслед за новыми политическими условиями в очередной раз круто изменились характер и содержание его публицистической деятельности.

У власти находилось Российской правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком, задачами которого были объявлены «укрепление армии», «победа над большевизмом», «возрождение государства», а в результате временная верховная власть обязывалась «передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему

устроить государственное управление по своей воле»¹. Российское правительство решительно оттеснило от власти социалистов, оставив им мизерную возможность легальной деятельности в органах местного самоуправления. Это вполне согласовывалось с политическими задачами, над решением которых трудился Адрианов. Однако новый политический режим стремительно ужесточался, в числе прочего подавляя независимую прессу.

Напрямую о политике Адрианов писал все меньше. В отличие от публикаций 1918 г. его тексты 1919 г. были написаны с собственно журналистской позиции, позиции наблюдателя и критика.

В конце января 1919 г. Адрианов опубликовал основательную статью «Сибирский календарь». Поводом для нее стала подготовка специального настольного календаря в министерстве народного просвещения Российского правительства. В статье Адрианов кратко изложил историю печатания календарей в мире, в России и в Сибири. Затем раскритиковал «дрянную спекулятивную макулатуру», представленную в продаже, и посетовал на запаздывание министерского издания, где ожидалась и его статья².

Календарь увидел свет только в апреле 1919 г. Адрианов отметил это событие библиографической заметкой. В ней он еще раз осветил содержание, а затем подчеркнул недостатки запоздавшего министерского издания, — отсутствие алфавитного указателя и новую орфографию, «угрожающую нам полной неграмотностью»³.

Счет времени и проставление вех характеризовали публицистику Адрианова 1919 г. Как редактор он отметил несколько знаменательных дат в истории «Сибирской жизни». 14 февраля 1919 г. Адрианов зафиксировал «годовщину» конфискации имущества Сибирского товарищества печатного дела Томским советом депутатов. Автор цитировал годичной давности «некролог», написанный большевиком В.М. Бахметьевым для газеты «Знамя

¹ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 20.

² Адрианов. Сибирский календарь // Сибирская жизнь. 1919. 29 января.

³ Он же. Библиография. Настольный календарь на 1919 год // Сибирская жизнь. 1919. 26 апреля.

революции». В тексте В.М. Бахметьева «Сибирская жизнь» была изображена «катафалком смердящего либерализма», который подвез попутчиков-социалистов до революции, а затем канул в небытие. Теперь Адрианов сводил своеобразные счета, полагая в свою очередь навеки почившим «Знамя революции».

В середине июля 1919 г. «Сибирская жизнь» праздновала свой 25-летний юбилей. Адрианов откликнулся статьей о «совершенно исключительном» долголетии газеты и подчеркнул, что она «всегда была идейным, прогрессивным и независимым органом печати». Адрианов верил в силу слова и ориентировался на демократическую концепцию роли газеты в жизни общества: «Печать есть та огромная сила, та „шестая держава“, с которой вынуждены считаться самые сильные, властные люди и или искать ее поддержки, или вступать с ней в борьбу. В силу такого своего положения каждый орган периодической печати, проникнутый здоровыми началами честного служения общественности и государственности, смелый и независимый в суждениях и оценке существующего положения приобретал особое значение в культурном развитии своей страны, особое влияние на выработку понимания в умах граждан происходящих кругом явлений»¹.

Кроме годовщины и юбилея «Сибирской жизни», календарь Адрианова оказался наполнен и другими значимыми событиями. 15 мая 1919 г. скончался в Томске сын барнаульского энтомолога, талантливый преподаватель иностранных языков В.А. Геблер². В июне праздновал 75-летний юбилей крупный общественный деятель П.И. Макушин, с которым была тесно связана судьба и газетная работа Адрианова³. Через несколько дней слег с воспалением легких и попал в больницу Г.Н. Потанин⁴. В сентябре скончался енисейский золотопромышленник, потомок старого купеческого

¹ *Он же*. К 25-летию юбилею «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. 1919. 15 июля.

² *А-в*. В.А. Геблер // Сибирская жизнь. 1919. 17 мая.

³ *Адрианов*. Особенный человек (к 75-летию со дня рождения П.И. Макушина) // Сибирская жизнь. 1919. 13 июня.

⁴ *Он же*. У Г.Н. Потанина // Сибирская жизнь. 1919. 26 июня.

рода А.А. Баландин¹. Темой нескольких объемных статей стали воспоминания о Н.М. Ядринцеве².

Вехой в истории революции Адрианов назвал годовщину смерти «героя-патриота генерала Л.Г. Корнилова» в апреле 1919 года³. Примечательно, что в августе 1917 г. он не спорил с общественным мнением, в котором господствовало обвинение Л.Г. Корнилова в контрреволюционности и попытке установить военную диктатуру. В 1919 г. политическая конъюнктура была противоположной. Адрианов припомнил, что «на языке ополумевших углубителей русской революции, начиная с Керенского, имя Корнилова стало бранным нарицательным словом». В противовес он опубликовал в «Сибирской жизни» письма генерала к В.Е. Флугу и Г.Н. Потанину, свидетельствовавшие о благородстве Л.Г. Корнилова и его конструктивной политической программе. Адрианов назвал убитого генерала гордостью сибирского казачества и всего русского народа. Такой политический портрет Л.Г. Корнилова вписывался в контекст осмысления военной диктатуры А.В. Колчака. Однако прямых оценок личности и деятельности Верховного правителя Адрианов в печати избегал.

Адрианов обратился к недавнему прошлому в серии статей «В плену у немцев». Тексты были написаны на основе неопубликованных записок офицера Д.Н. Гроздова, проведенного в немецком плену четыре года⁴. Сцены морального и физического насилия над пленными были вписаны в своеобразный «путевой дневник», наполненный справочными сведениями о географии и населении Германии, подробностями о немецких бутербродах и санитарных мероприятиях. Размеренное, спокойное повествование Адрианова о немецком плене было проникнуто чувством смирения и назидательным пафосом.

¹ А-в. А.А. Баландин // Сибирская жизнь. 1919. 4 сентября.

² Адрианов. Н.М. Ядринцев (кусочки воспоминаний) // Сибирская жизнь. 1919. 20, 21 июня; Он же. Памяти Н.М. Ядринцева // Сибирская жизнь. 1919. 16 октября.

³ Он же. Памяти героя-патриота генерала Л.Г. Корнилова // Сибирская жизнь. 1919. 12 апреля; Он же. Завещание генерала Л.Г. Корнилова // Сибирская жизнь. 1919. 12 апреля.

⁴ Он же. В плену у немцев // Сибирская жизнь. 1919. 26, 29 июля, 1, 8, 12 августа.

Интервью с министром внутренних дел Российского правительства А.Н. Гаттенбергером, опубликованное в «Сибирской жизни» 11 апреля 1919 г., Адрианов озаглавил «На путях к воссозданию государства» и предварил введением. Нетипичным для данного жанра предварительным замечанием он к тому же предпослал им самооценку, назвав «щекотливыми», и заявил о готовности к «обвинениям в реакционности, контрреволюционности, даже в симпатиях к монархизму». Замечания касались местных эсеров и меньшевиков. Пустой позой социалистов Адрианов считал «пренебрежительное отношение к представителям власти, к правительству». Он упрекал их в «торможении работы государственного строительства», особенно в деле отношений между административными органами власти и местным самоуправлением. Адрианов критиковал слепую веру социалистов в кооперацию. Сам же писал, что кооперация дело хорошее, но она не чужда спекуляции, «вбирает в свою среду представителей Советской власти, занимается демагогией и антигосударственной деятельностью». Адрианов не одобрял и «социалистическую неприкосновенность» рабочих и профсоюзов. Он считал пролетариат невежественным и отсталым, «проявившим свои способности и устремления гораздо больше в области грабежа, пьянства, разврата, ничегонеделанья, чем в чем-либо другом». В том же духе Адрианов рассуждал о свободе слова. Он был убежден, что «свобода печати — непререкаемое требование всех цивилизованных стран», но «органу печати нельзя предоставлять свободы заниматься демагогией и сеять смуту в мозгах, не способных по своей темноте разбираться». По сути, Адрианов добивал политическую оппозицию режиму Российского правительства, несправедливо обвиняя партийных социалистов в косности и политической близорукости. После таких предварительных замечаний Адрианов поместил ответы А.Н. Гаттенбергера на вопросы о том, что и как делается в МВД, каковы его взаимоотношения с органами местного управления, каковы виды на ближайшее будущее и прочее.

В общем и целом Адрианов сочувствовал внутренней политике Российского правительства. Однако в отдельных вопросах он высказывал замечания и даже возмущение.

В статье «Российское правительство перед забайкальским казачеством», опубликованной 12 и 13 июня 1919 г., Адрианов писал о наметившемся разрешении конфликта между Верховным

правителем А.В. Колчаком и атаманом Забайкальского казачьего войска Г.М. Семеновым. Адрианов явно сочувствовал последнему. Суть конфликта состояла в том, что Г.М. Семенов по субъективным причинам не признавал государственный переворот 18 ноября 1918 г. и власть А.В. Колчака. Адрианов же написал, что причины непризнания власти заключаются во внешних объективных факторах, — неправильной и недостаточной информации о положении и деятельности Российского правительства, недобросовестности окружения того и другого, растравлении конфликта прессой. Затем Адрианов процитировал речь Г.М. Семенова на Забайкальском войсковом круге о подвигах забайкальского казачества в борьбе с большевиками. Закончил он пересказом объяснений, почему отрядов Забайкальского казачьего войска нет на стратегическом Уральском фронте.

Примечательно, что о Г.М. Семенове влиятельный публицист положительно-оправдательно писал и ранее, в 1918 г., а само казачество ставил в пример в 1917 г. Вероятно, Адрианов был субъективно предрасположен к позитивному образу казачьей вольницы, т. к. объективно роль казачества в революции и контрреволюции была неоднозначной.

Напряжённые отношения сложились у Адрианова с представителями «колчаковской военщины», запретившими сообщать в «Сибирской жизни» что-либо о бандах большевиков¹. Однако редактор газеты избегал требуемого военными демонстративного подобострастия. Это могло нанести непоправимый урон имиджу издания. Однако чувство самосохранения заставляло действовать максимально осмотрительно.

В августе 1919 г. Адрианов обратился к животрепещущей для него и для всей сибирской общественности теме «военщины». В статье «Возмутительная история», опубликованной в «Сибирской жизни» 17 августа 1919 г., Адрианов написал о факте недопустимого поведения военных, разбиравшемся военно-полевым судом. Автор статьи возмущался известием, что кавалерийский разъезд под командованием некоего Гарднера под предлогом изъятия оружия государственного образца учинил 11 августа 1919 г. в деревне Куташевой «грабежи и насилия». Комбатанты отбирали у мирного населения деньги, продукты и вещи, пьянствовали, все

¹ Цит. по: *Ларьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 94.

крушили, ломали, угрожали, а на следующий день в соседней деревне устроили порку.

Чрезмерное обострение конфликта с «военщиной» могло грозить закрытием газеты и даже арестом редактора. Поэтому, например, сведения об офицере В.А. Сурове, якобы нарочно затягивавшем ликвидацию большевистских банд в Томском уезде и допустившем пьянство и разгильдяйство в своем отряде, Адрианов конфиденциально сообщил председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому¹, а не опубликовал в печати.

По мере ухудшения ситуации на внутреннем фронте Адрианов стал решительнее в критике военных. В статье «Минусинская трагедия», опубликованной 8 октября 1919 г., он прямо писал, что в тылу «орудуют многочисленный шайки и банды негодяев», но есть и большие организованные скопления врага, которые опасно недооценивать. Затем он описал «вооруженные столкновения в Минусинском районе» и в заключении признал слабыми и неадекватными меры, применявшихся штабом войск Енисейской губернии против партизан.

Тему чехов, которую Адрианов разрабатывал с 1917 г., пришлось заканчивать сухой заметкой «Чешская делегация в Сибирь» от 6 сентября 1919 г. и статьей «К уходу чехов» от 30 сентября 1919 г. Досада на затягивание прибытия посланников первого президента Чехословацкой республики Т.Г. Масарика сменилась отчаянным протестом в ответ на сведения о том, что между союзниками достигнута договоренность о вывозе чехословацкой армии на родину. «Преждевременный уход их из Сибири, до ликвидации большевистского пожара [...], — писал Адрианов, — чреват еще большим его разрастанием», поскольку железная дорога лишится надежной охраны.

Осенью 1919 г. Адрианов размышлял над причинами надвигавшейся катастрофы антибольшевистского движения и изложил свое мнение в статье «Самооборона», опубликованной 1 октября 1919 г. Предпосылками большевизации широких масс населения он считал, во-первых, развал российской армии в результате революции, во-вторых, амнистию 1917 г., под которую попали несколько миллионов политических и уголовных преступников, в-третьих, вопиющую неграмотность населения страны. То есть, по

¹ Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 94.

мнению Адрианова, «миллионы преступных, развращенных бездельем и невежественных явились тем большевистским кадром, который, разлив свой яд среди масс народа, разрушил государство, сгубил страну и распространяет злое дело на другие страны». В развитие статьи Адрианов шельмовал главного политического врага: «В большевизме нет ничего, кроме безумия и преступления. Он ничего создать не может. Все сознательные последователи большевизма носители отравы безумца, вождельний уголовного преступника. Образумить их, исправить, вылечить нельзя. [...] С ними нужна не покорность судьбе, не укрывательство, не бегство и беженство, а методическая упорная борьба на уничтожение». Однако после столь эмоционального текста Адрианов вынужден констатировать, что только кое-где «народ стал понимать» зло большевизма и создает отряды самообороны. Конкретный пример такого «кое-где» у Адрианова оказался только один, да и тот не достаточно убедительный, так как имевшиеся отрывочные сведения о нем были почерпнуты из вторичного источника.

Последней общественно-политической публикацией Адрианова стала статья «На защиту родной земли!» от 11 октября 1919 г. Большевики в ней названы уже просто «нечистью». Им был противопоставлен славный молодой генерал А.Н. Пепеляев, который возглавил добровольческое движение, возникшее «в минуту грозной опасности и как крайнее средство, когда за оружие должен взяться всякий, способный им владеть». Адрианов уверял читателей, что моральная основа добровольчества представляет собой огромную силу, и призывал «защитить родную землю, чего бы это ни стоило».

Вплоть до последних недель существования колчаковской власти в Томске Адрианов участвовал в общественной жизни города. В частности, он входил в состав особой комиссии по эвакуации, созданной по итогам созванного управляющим Томской губернией Б.М. Михайловским 30 ноября 1919 г. совещания представителей от правительственных и общественных управлений Томска. В её задачи входило определение круга «лиц, для жизни которых угрожает опасность со стороны большевиков в случае занятия Томска», а также составление плана их эвакуации. Сам Адрианов от эвакуации отказался¹.

¹ Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова... С. 95.

Понимая свою обреченность, Адрианов издавал газету до последней возможности. 21 декабря 1919 г. он написал в дневнике: «Сегодня воскресенье. [...] Принесли номер „Сибирской жизни“ — последний, в виде довольно жалкого полулиста. Теперь я свободный от обязательной и тяжелой работы „гражданин“, но обреченный на полуголодное существование. Нестерпимо тяжело. Как жить?»¹.

* * *

Таким образом, во время революции и гражданской войны опытный журналист и редактор влиятельной независимой газеты Адрианов видел свою главную задачу в осуществлении общественного контроля за действиями власти. Поэтому в публицистике он в основном критиковал и разоблачал власть имущих, а не занимался пропагандой.

Политическое поведение Адрианов имело ярко выраженный конфликтный характер. Привычка «выносить сор из избы», делать публичными малопривлекательные закулисные эпизоды борьбы за власть мешали его политической карьере. Самой его сущности противоречила партийность и работа в органах власти. Поэтому вступление в партию энесов осенью 1917 г. оказалось лишь актом политической адаптации, а членство в Сибирской областной думе закончилось требованием самороспуска последней. Более того, казалось бы, парадоксальным образом Адрианов критиковал и опровергал воплощение идей, за которые изначально пытался держаться, — социализм и областничество.

Собственно журналистскую деятельность Адрианова во время революции и гражданской войны нужно признать успешной. «Сибирская жизнь» оставалась ведущей газетой в Сибири вопреки объявлению ей революционно-общественного бойкота в 1917 г., намерению Советской власти закрыть ее навсегда в 1918 г. и приостановке выпуска из-за забастовки печатников, длившейся несколько месяцев до 1919 г. Трудно назвать газету с дореволюционной историей, которая продержалась в «русской смуте» дольше и уверенней, чем «Сибирская жизнь».

Главным условием выживания газеты в условиях стремительно сменявших друг друга политических режимов была гиб-

¹ Цит. по: *Крюков В.М.* Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004. С. 58.

кость позиций ее редактора. За годы революции и гражданской войны Адрианов прошел путь от республиканизма к признанию военной диктатуры, обещавшей, правда, обеспечить «право народа на определение своей судьбы». Редактор влиятельной газеты, сочувствовавший в 1917 г. «революции», «республике» и «социализму», в 1918 г. стал поборником ценностей «государства», «родины» и «правопорядка». При этом за границу либеральной политической морали Адрианов не выходил. На протяжении 1917–1919 гг. у «Сибирской жизни» было неизменное идейно-политическое ядро. Редактор газеты держался за бесспорный авторитет Г.Н. Потанина и не изменял своему главному врагу — большевикам. Последовательный антибольшевизм оказался непреодолимым барьером для политической адаптации Адрианова в условиях Советской власти.